

С той поры во вселенском просторе
Отыскали мы много планет,
На которых – ни слёз и ни горя,
Но и жизни, и радости нет.

Ты одна лишь на свете живая,
На которой и нам довелось
Попытать своё счастье, желая
Жизнь избавить от горя и слёз.

Игорь ИГНАТЕНКО

выпускник БГПИ 1964 года,
секретарь Правления Союза писателей России,
председатель правления областной писательской организации

От редакции. В прошлом номере альманаха мы обещали, что ещё не раз вернёмся к творчеству И. Д. Игнатенко. И сдержали своё обещание. Но только на этот раз известный амурский поэт, автор многочисленных поэтических сборников выступает в роли, не совсем привычной для почитателей его таланта, – в роли прозаика. Правда, это не дебют, и многим уже знакома его повесть «Бег по кругу», опубликованная ещё в 1991 году, но всё-таки она стоит особняком на фоне десяти сборников стихотворений и поэм. Да и звание лауреата Амурской премии в области литературы и искусства Игорь Данилович был удостоен именно за книгу стихотворений «Прощай...»

И вот опять проза – рассказ с характерным названием «После распределения». Его героиня – выпускница пединститута. Памятью она возвращается в далёкие шестидесятые, в ту пору своей молодости, когда студенческие годы уже позади, а впереди вся жизнь: первая любовь... и нелёгкие будни нашей замечательной профессии.

Рассказ

ПОСЛЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Конец марта нынче выдался, и не припомнить такого – сухой, тёплый, залитый солнцем. Синоптики оповестили, что сто лет такой теплоты ранней не бывало. По обочинам дорог, хвойным посадкам, на прошлогодней полевой стерне бродили языкастые палы, выжигая дочерна готовящуюся воскреснуть землю. Даже не верилось, что когда-то в эту пору и бураны бушевали, и морозы трещали, люди в десяти шагах от крыльца родного замерзали. Было, было и такое в моём родном степном селе, особенно ежели по пьяной лавочке мужики отваживались из гостей домой «патюшествовать», как говаривал незабвенный Филька Шкворень в шишковской «Угрюм-реке». Полвека прошло с тех достославных времен.

Да, чего только не бывало...

Собрались мы с женой в гости к стародавним друзьям Поликутиным, Анне и Василию. Без приглашения, просто соскучились по общению, как снег на голову решили обрушиться, коли к нам давно не приходили сами. Нет в природе снега, так мы им будем... Прихватили коробку конфет, рулет бисквитный – чаю попить. Заехали к ним часиков так в пять под вечерок. Вообще-то мысль была уговорить их куда-нибудь на природу податься: надоело в городе, чистого воздуха захотелось.

Василий при нашем появлении подхватился с дивана в зале и, покряхтывая от боли в пояснице, потащил постель в спальню. Был он небрит, одет в спортивный старенький костюм. Аня кивнула вдогонку:

– Видали? Ни за что не хочет врача вызывать, валяется с температурой, ни таблеток, ни уколов на дух не принимает. Что ты, говорит, пристала со своей принудиловкой? Видали, принудиловку нашёл... Как же, заставишь его...

Мы посочувствовали Ане, а Василию, зная его упрямый характер, пожелали всё же покориться врачам.

– Как самочувствие? – спросил я друга.

– Нормально. Ничего у меня не болит, – слишком уж спокойно ответил Василий. На лице у него горел нездоровый румянец. Даже обычно пышная шевелюра словно бы поубавилась в объёме, и седина резче проступила. Очки за ненадобностью были оставлены на столе, и лицо словно бы потеряло привычную защищённость.

Должно быть, Анне надоело бесполезно уговаривать мужа принимать лекарства, и она поддалась на наше приглашение поехать за город развеяться да продышаться. Тем более что я предложил отправиться на их дачу – посмотреть, всё ли там в порядке.

– Мы часа на два, – сообщил я другу, заглянув к нему в спальню.

Он только молча кивнул, лёжа на правом боку и закрыв глаза. Никогда я не видел Василия таким обессиленным. Ещё две недели назад, когда я заезжал взять у него свежий журнал «Лёгкая атлетика», который ему присылают из Москвы, он температурил. Но на лекции и практические занятия в университет, тем не менее, ходил регулярно, отделяваясь фразами типа: «Пройдёт, ничего мне не станет...» Когда-то мы с Василием были десятиборцами, первыми в области и далеко не последними на Дальнем Востоке. Здоровья было вагон и маленькая тележка. А теперь вот и тележка не на ходу оказалась.

Аннушка уже топталась в прихожке у нового, светлого дерева, платяного шкафа. Надев коричневое осеннее долгополое пальто поверх толстой вязаной кофты, она плотно застегнулась на все пуговицы. Пошутила:

– Пришёл марток, надевай двое порток...

Учитывая, что за окном было четырнадцать с плюсом, реплика Аннушки и впрямь показалась смешной. Древняя крестьянская мудрость, заложенная в поговорке, не вписывалась в изобару действительности. Что-то

стало распределяться в мире и тепло, и всё остальное не привычным путем и образом, а сикось-накось.

Дача Поликутиных приютилась на склоне сопки, при-мыкающей к старому городскому кладбищу. Дубняки с ржавыми листьями, не облетевшими за долгую зиму, – с одной, возвышенной, стороны. С другой – высоченные сосны вперемешку с осинами и тополями, без подлеска, выгоравшего регулярно от весенних палов. Стволы великанов были черны выше моего роста, иные обгорели и рухнули, оставив просветы в голубеющем небе.

Приткнув автомобиль в тупичке между поликутинской и соседской дачами, мы вышли на вольный воздух и стали, как рыбы, глотать кислород. Потом, по привыкнов к микроклимату и совладав с невольным головокружением, по тропинке, заплетённой почерневшей полынью и шуршащим кипреем, пробрались к незавершенному, из серого силикатного кирпича, строению, притулившемуся у забора в начале усадьбы.

– Ну вот, всегда так! – огорчённо воскликнула Аннушка, заглянув в домик. – Широкие доски утащили, а Вася хотел веранду нынче строить...

Мы дружно посетовали на бомжей и прочих садовых воришек. Но делать нечего, пришлось смириться с этой, не первой уже, потерей. Случалось, похуже воровали и громили. Спасибо, что домик не сожгли да не нагадили, как у нас на даче, куда мы с женой ездили днём раньше на весеннюю проверку.

Солнце уже закатилось за дубняки, но света было довольно и тепла тоже хватало. Высоко в небе каркали здоровенные кладбищенские вороны, откормившиеся на конфетах да печенье. Калорийная пища давала им силы воспарять под облака и видеть оттуда людей маленькими и ничтожными. «Вороньё к войне. В Ираке как раз американцы начали очередной жандармский шмон, потекла кровушка людская на потеху президенту-техасцу», – подумалось невольно мне. Да разве уедешь куда от телевизионной агрессии, когда смакование начавшихся военных действий заполонило экраны и радиоэфир. Стала чужая боль и смерть зрелищем, прозомбированному народу оставалось лишь радоваться в очередной раз: «Не меня убивают, не подо мной земля разверзлась в очередной раз. Над нами не каплет... Уря-а!» Вот и здесь эти проклятые мысли посетили. «Нет мира под оливами».

Женщины тем временем закончили беглый осмотр перезимовавшей дачи и участка. На скамеечке у домика постелили солдатское одеяло, которое я принёс из автомобиля. Аннушка вынесла из домика пару старых, но ещё крепких стульев, составила их рядом – получился импровизированный стол. Из сумки достала термос с заваренным по этому случаю чаем с лимоном. Моя жена выложила коробку конфет, уже нарезанный перед отъездом рулет. Разлили по кружкам горячий чай и принялись вкушать его вперемешку с глотками свежего воздуха. Головы у всех вновь закружились, как от хмельного.

Подруги продолжили начатое ещё в машине обсуждение того, как внуки закончили зимнюю четверть в школе. Досталось учителям, выставившим нашим любимым отпрыскам не те, что следовало бы, оценки. Да и то, обе ведь сами в прошлом были учительницами, закончили

один и тот же факультет в пединституте, физмат, только с разницей в один год. Обе стали Заслуженными учителями России, заработали это высокое звание таким трудом, что лично я бы и Героя Труда дал обоим за недосыпы да перенапряги, только никто меня о том не спросил.

Не помню почему, но разговор потихоньку повернулся к молодым годам. Вроде бы за сорок с лишком лет, что мы дружим семьями, знаем о каждом почти всё. Ан нет, оказалось, не всё. Поругивая, как водится, по ходу разговора нынешние порядки, «демократию», которая ничем не краше былой партократии, чуть не договорились до того, что вот де раньше было всё не так, иначе да краше. Да вовремя опомнились: принудилровка ещё та была!

Стали припоминать, как нас распределяли после окончания института на работу. Нынешним выпускникам вузов это суцкая диковинка – распределение, а нам в шестидесятых годах прошлого века (страшно и писать такое, сколько лет минуло) иначе и не мыслилось устраиваться в жизни, как по воле премудрых дядь и тетя из партийных и прочих органов и контор. Мало чем могли помочь в этой ситуации родные педагоги, задавленные разнарядками на свежеиспечённых молодых специалистов. Небось, в древнем мире на рынке рабами торговали ничуть не вульгарнее. Сколько судеб было сломано, сколько горьких слез пролито – писать не переписать. Ну, про себя с женой как-нибудь в другой раз, а вот Аннушка нам такое рассказала, что на бумагу так и просится. Я ведь и пишу-то этот рассказ сразу же по приезде с дачи Поликутиных. Сиж у компьютера, припоминаю горячие, с пылу, с жару слова и обороты повествования. А сюжет и придумывать не надо ни в одной детали, он весь перед вами. Верно говорили классики: жизнь – лучший писатель. Хотя, если честно, кое-что пришлось скомпоновать для динамики изложения чуток в ином порядке. Ну, да это дело известное: писать и вычёркивать – планида литератора.

Итак, послушайте и вы, что произошло в дымке времен.

– Нас распределяли ведь не по принципу: вначале лучших выпускников, а потом уж остальных, – начала Аннушка. – Нет, действовали обычным способом – по списку, то есть по алфавиту. О какой справедливости тут говорить! Моя девичья фамилия Ярцева. Смекаете, что мне досталось под конец? Кого в городе оставили, кого в райцентр направили, кому муж палочкой-выручалочкой стал, вольная выпала доля по месту мужниной прописки. Мне по холостому моему положению осталось «выбирать» (беру это слово в кавычки) или в Тмутаракань ехать, или туда, куда Макар телят не гонял. Председатель комиссии предложил на выбор: прииск Юбилейный или Тахтамыгда. Что я могла сразу сказать? Только влопросилась выйти на несколько минут из кабинета к сокурсникам посоветоваться. Комиссия снизошла...

– Это по-божески, – прокомментировала момент моя супруга, подливая свежего чаю в кружки. Аннушка кашлянула сухим скрипучим выдохом хронического бронхитика, усмехнулась вроде бы над самой собой давней, растерянной девушкой. – Случай вершит наши судьбы, – ответила она скорее не моей жене, а самой себе. – Кинулась я тогда к старосте группы Юрке Гнедашу. «Юр

куда ехать?» Назвала пункты. Юрка подвёл меня к карте, которую он вывесил аккуратно перед дверью комиссии. Поправил очки-велосипед, ткнул толстым волосатым пальцем в кружок на западной части линии Транссиба. «Тахтамыгда. Лагерь, зона, зеки. Не советую». Потом повёл пальцем снизу вверх по синей извивающейся ленте, коей на карте обозначалась река Зея. Даже на цыпочки приподнялся наш староста-коротышка, пока не доехал до кружочка, возле которого нарисован был ещё и синий же якорь. «Вот он, твой прииск «Юбилейный». Видишь якорь?» – «Ну, вижу. И что?» – «А то, что это тебе не просто посёлок какой-нибудь заштатный, а самый что ни на есть настоящий речной порт. Смекаешь? По-орт!» – Похоже, он и сам верил в правоту своего убеждения, чуть ли не завидовал мне, счастливице.

Так и решилась моя судьба на тот момент. Зашла я вновь в кабинет, объявила свой выбор. Меня благословили по-отечески да по-матерински, пожелали не посрамить чести молодого советского учителя. Я обещала не подвести старших товарищей. Прощай, институт! Прощай, родной Благовещенск!

– Аня, так ведь ты же городская была, с матерью больной жила. Неужели ничего не пробовали доказать? – опять не удержалась моя жена.

– Кому?! – махнула рукой Аннушка. – Разве ты забыла, как нас воспитывали? Долг, честь, чувство ответственности. Я же комсомолка была, спортсменка, активистка. – Она вновь откашлялась, посмотрела на темнеющее небо, запахнула поплотнее на груди пальто, поправила на голове вязаную шапочку – из распадка со стороны кладбища начинал тянуть холодеющий с каждой минутой ветерок.

– А что же Василий? – полюбопытствовал уже я. Не поверите, но о делах сердечных товарищ мой не то что не любил распространяться – молчал как рыба. Впрочем, у нас и без того за долгие годы дружбы хватало тем для обсуждения. «Не помню. Забыл», – отмахивался обычно он, если в застолье всплывали разговоры типа: «А помнишь?...» Зная Аннушкин открытый нрав, я надеялся восполнить стародавний пробел в биографии Поликутиных. «Не любопытны мы, русские», – пенял за чертой двух столетий мне Пушкин. Послушался я Александра Сергеевича, полюбопытствовал.

Аннушка хмыкнула саркастически, у неё это здорово получается.

– А чем он мне мог помочь? Мы только-только познакомились. У подружки моей институтской Верки Бирюлиной папаша какой-то шишкой был в облсовпрофе, председателем какого-то комитета, что ли. Вот он-то для укрепления нашего с Веркой пошатнувшегося здоровья выделил институтскому студенческому профкому две целевые путевки в Бузули.

– Знатный курортец! – припомнил и я своё студенческое посещение после одной из зимних сессий этой популярной амурской здравницы.

– Неплохой был санаторий, – уточнила по учительской неистребимой привычке Аннушка.

– Там-то мы с Васей и встретились.

– И ты поняла с первого взгляда – вот мой принц!

– Этот «принц» мне с первого раза попытался сесть на шею...

– Вот те на! Фигурально, что ли?

Аннушка засмеялась коротко, потом перевела дыхание, прикрыла глаза, словно посмотрела внутрь себя на некий экранчик памяти, где мелькали кадры былого.

– Самым натуральным образом чуть не сел. Играли мы в волейбол. Я стояла на третьем номере, а Поликутин на четвёртом. Он тогда постригся наголо. Заметный парень был. Такой прыгучий лысый очкарик с лесотехникума – вот и всё, что знала о нём. Приняли мы подачу, мяч летит к сетке, я собираюсь пасовать этому забивале. И тут, не помню уж почему, мячик у меня словно сквозь пальцы провалился. Кое-как только и сумела подкинуть его – прямо над своей головой. А этот очкарик уже разбежался, сиганул горным козлом, ничего кроме мяча не видит. Меня словно парализовало. Ну, думаю, куда же он после удара падать будет? Присела, сжалась в комочек, жду своей гибели. И ты представляешь, – коснулась Аннушка моей руки, – вlepил очкарик по мячу, каким-то образом извернулся, руки-ноги растопырил – и сверху надо мной встал. – Она показала, как Василий растопырил конечности и неким домиком прикрыл её, бедную. – И ведь впрямь – не зашиб нисколечки!

Мы дружно подивовались случившемуся, распознав в нём некий перст судьбы.

– То-то у вас волейбол – семейный вид, – заметил я, имея в виду увлечение этой игрой дочки Поликутиных Светланы и двух внуков. – Ну, а от волейбольной площадки до танцевальной в Бузулях, если мне не изменяет память, два шага.

– Что ты! Вася и не умел, и не хотел танцевать. Так волейболом и ограничилось наше знакомство, не более того. Никаких там провожаний, обниманий, целований. Ну вот... Он вскоре уехал, его смена раньше кончалась. Дней через пять настала и наша очередь с Верой домой возвращаться. Сели в поезд, поехали. И что вы думаете? Выходим в Благовещенске на перрон – а нас встречает наш очкарик. Да не на какой-то там «Победе» или «Волге» с шашечками, а на лимузине. Большой такой чёрный автомобиль, «ЗиМ» что ли, и где он только его зафрахтовал? Всю стипендию убухал. И ведь правильно всё рассчитал, когда приедем. Значит, что-то ему в душу запало. Довёз до дома чин-чином, попрощался так вежливо – и уехал. Где? Куда? – ничего не знаю.

Немного погодя, в горпарке гуляем с той же Верой. Завернули в павильон морсу попить да конфетами полакомиться, сладкого захотелось. И тут навстречу – Василий. Распашоночка на нём в шахматную клеточку, брюки светлые и кроссовки голубые с белыми полосками «Ботас». Стриженина шляпой соломенной прикрыта. Глаза во все окуляры очков – так удивился и обрадовался. То да сё, стал угощать нас, причём купил не каких-то там карамелек, а самых дорогих шоколадных, с мармеладной начинкой – «Лето», как сейчас помню. Он потом частенько их брал.

Мы с женой переглянулись понимающе. У нас тоже был свой особый сорт конфет, семейный, которые я ей покупал, бывало, килограммами. «Ананасные». Но это тема другая, так что трогать её не станем, как-нибудь потом, если случай подвернется рассказать, громко говоря, об истории нашей любви.

Аннушка заметно расчувствовалась. За годы жизни с Василием она переняла от него некую молчаливость, если дело касалось нежных материй, отделялась скуповатой краткостью. А тут её словно прорвало. Да оно и понятно: муж лежит дома, хвораёт серьёзно, градусник зашкаливает. Лечиться не хочет у врачей, надеясь исключительно на свою натуру. Страдает, хотя виду не показывает. А мы вот тут о делах сердечных, в то время как сердцем надо заниматься или чем иным, со шприцем наперевес, таблетками вооружась.

— Погуляли мы по парку, пошли на автобусную остановку. А тут возьми и подкати «колечко». То полчаса ждешь не дождешься, то словно с камушка слетел... Вася ускорился, только и обронил на ходу, блеснув напоследок очками: «Пока!» Смотрю, он уже на подножке стоит. У меня словно сердце оборвалось: ведь не увижу его больше. Никогда! Не всё же на случай надеяться? Махнула Верке рукой, кинулась к автобусу, а он уже тронулся. Хорошо, Вася увидал, дверцы попридержал. Заскочила махом, еле дух перевозжу. Стоим рядом счастливые...

Дальше Аннушка продолжать не стала. Интимность имеет свои пределы.

Мы долили в кружки чаю. Молча пили. Каждый вспоминал своё.

— Да, ребята! — подхватила вновь Аннушка. — Лето кончалось. Надо было мне в свой Юбилейный двигать. Собрали мы с мамой подушки, одеяло, бельё, кое-какой гардеробчик сочинили на первый случай. Как начну зарабатывать, думаю, — прикуплю себе остальное, небось, снабжение на северах получше нашего. Сели на рейсовый теплоход и поплыли в неизвестность. Мы с мамой от начала и до конца маршрута были единственными постоянными пассажирами. Остальные садились и через одну-две остановки ссаживались на берег.

Хороша наша Зея, особенно когда первый раз и так долго плывёшь по ней. Она ведь чем дальше от Благовещенска, тем чище да пригожей. Там прибрежные лесочки, там поля желтеют, там луговины со стогами сена... Допоздна с верхней палубы любовались с мамой на всю эту красоту. Спать в каюте легли поздно и заснули крепко. Проснулись — тишина стоит! Ни звука двигателя, ни плеска волн. Выглянули из окошка, а мы на мели сидим...

— Это на Андреевском перекате? — уточнил уже я, благо у меня был немалый опыт хождения на своем катере по зейскому фарватеру, плесам и тиховодами, вплоть до Селемджи.

— А кто его знает! Наверное, на нём и сидели. И как только сползли с той мели или косы, не знаю, как там правильно величать.

— Сами?

— Что ты! Основательно впахались в песок. Двое суток мытарилась, пока лесосплавщики не помогли. У них катера водомётные. Подошли к нам, смыли с косы. Такие фонтаны летели на палубу! Словом, только через неделю после выхода из Благовещенска прибыли мы к конечному пункту.

Пристань порта оказалась старенькой баржонкой, догнивающей свой век за ненадобностью у обрывистого берега. На гордый якорь, которым порт был обозначен на карте области, всё это явно не тянуло. На берегу из-

бушка на курьих ножках, одна-одинешенька. Крыша дранкой крыта. Вышел начальник пристани, ветхий такой старичок. Увидел нас с мамой, нагруженных чемоданами и сумками, крикнул сокрушенно: «Вот незадача! Ты училка новая, что ли?» — «Ну, я». — «Так за тобой два дня назад подводу присылали».

Оказалось, что сам приисковый посёлок от Зеи отстоит километра на три или четыре, если память не изменяет. Оставили вещи в избушке у старика и потопали через сосняки да буераки по колдобистой дороге. Ничего, добрались куда надо, медведь не задрал...

Аннушка засмеялась, потом остановилась откашляться. Покачала головой, вспоминая ожившие картины прошлого.

— Теперь самой не верится, что это и впрямь было наяву.

— А где ж твоя судьба? — подтолкнул я вопросом рассказчицу. — Где твой суженый-ряженный обретался?

— На практику как раз отправили в Приморье, в лесхоз. Там приглянулся начальству: мало того, что специалист без пяти минут, так ведь и волейболист, и баскетболист, ну а про лёгкую атлетику молчу. Он тогда чемпионом Дальнего Востока стал среди юношей в тройном прыжке. С руками и ногами собирались забрать.

— Так ты в невестах, поди, была...

— Ему там обещали самую красавицу местную сосватать, — хмыкнула Аннушка, отхлебнула ещё тёплого чайку из кружки. — Это дело — не проблема ни тогда, ни сейчас... Стала я работать в школе. Вася письма писал часто, я тоже на каждое отвечала.

Жили мы вдвоём ещё с одной молодой учительницей, Тамарой, в отдельном доме. Две комнаты, кухонька, сенцы просторные, удобства на дворе, как и положено в тех краях. Тамару годом раньше прислали тоже по распределению, не поверите откуда, — аж из Мордовии, а закончила университет в Йошкар-Оле, биологический факультет. Ничего девица оказалась, спокойная, добрая и работящая, что главное. У нас с ней конфликтов не случилось, да и некогда было кухонные разборки устраивать, нагрузка у обеих на две смены от первого до последнего урока, к каждому подготовка. Замещали старых учителей, когда те прихварывали. Свет в одиннадцать вечера отключали по всему посёлку, так мы свечку ставили. Сидим за полночь над тетрадками, методички ворошим, конспекты пишем. Нам как-то завуч, она рядом жила, говорит: «Я однажды в два часа ночи встала посмотреть, чего это собака разбрехалась? А у вас в окне огонёк! Чего это вам не спится?» — «Так мы ж к урокам готовимся, Анастасия Филипповна». — Она посмотрела на нас, головой так покачала: «Не бережете вы глаза...» Она уж и позабыла себя в нашем возрасте, шпарила по старым конспектам ничтоже сумняшеся.

— Так-таки и не скучала по дому? — не поверила моя супружница, скорее не от того, что усомнилась в занятости Ани в приисковой школе, а для того, чтобы повернуть поближе к делам сердечным.

— Раз было, ну как в кино сентиментальном, — встрепенулась Аннушка и посмотрела на меня. — Тебе, литератору, интересно будет знать. Так вот. Послали меня с классом картошку копать на полях в подсобном приис-

ковом хозяйстве. Дети в тайге, известное дело, – работающие, подгонять никого не приходилось. Поля близ Зеи лежали. Вокруг кустики, холмики, перелесочки, тайга подступает, теснит. Притомилась я, пошла на берег отдохнуть малость. День тихий стоял, как сегодня. Ветерок легонький потягивает, тёплый, паутинки летят серебристые. Сажу на камешке, на воду смотрю. Струи чистые, чистые! Быстро так бегут. Думаю: «Бежит вода, бежит себе свободно, куда надо. Через несколько дней вот эти жёлтые листики, что несут струи речные, если ничего не случится, приплывут к моему родному городу. Там мама, там Вася...» И так-то я расчувствовалась, так размечталась, так жалко чего-то стало и себя, и всех моих родных людей – ну просто хоть плачь. А тут как раз мимо, прямо у берега, тихо так катерочек тутукает, баржонку толкает. Плывет себе вниз по течению, в ту самую сторону, о которой грустится мне. На носу катера сидит, ноги свесил до бурунчиков, мужик в фуражке; бородатый, как сейчас вижу, но не шибко старый. «Чего пригорюнилась, красавица?» – спрашивает так участливо, даже не кричит, спокойно говорит – рядом ведь проплывает, рукой подать. – «Да невесело что-то», – отвечаю вдруг откровенно, как близкому человеку, хотя никогда до этого не встречала его. – «Плывем с нами!» – и машет мне рукой, давай, мол, на борт. Встала я с камушка, поглядела на мужика, помахала рукой в ответ: счастливого пути пожелала, значит.

– Ты прямо как сейчас с камушка встала, – восхищённо произнесла моя жена. – Ну всё вижу о чём говоришь.

Аннушка слегка смутилась похвале:

– Встать-то встала, постояла, да на поле пошла опять к ребятам картошку копать. Уплыл катерок без меня. Я себя не особо настраивала на минорный лад. А тут и весёлые деньки сами собой подоспели. Как вспомнишь... Вскоре после того полетели «белые мухи», на севере они гораздо раньше появляются. Отсентябрило, октябрь на дворе. На Зее, известное дело, шуга – ледоход, значит. Дело было в воскресенье, утро свободное, лежим мы с Тамарой в постелях, нежимся, отсыпаемся за трудовую неделю. Вдруг слышу – стукнула входная дверь в сенцах, а потом и на кухню вроде отворилась. «Кто там?» – Никто не отзывается. «Может, почудилось?» – думаю. На всякий случай переспросила – опять молчание в ответ. «Собака, может, забежала?» И я, как была, в «ночнушке», непричесанная, заспанная, выхожу в кухню. А там у порога стоит в ковбойке, в брюках спортивных, в мокрущих «Ботасах» мой Вася – стряхивает снег с соломенной шляпы... А на голове такие короткие завитушки, обсыпанные крупными хлопьями снега, – хоть стой, хоть падай.

– И ты упала в его объятия! – не очень удачно пошутил я, уповая лишь на то, что мне, как старому другу, сойдёт такая реплика.

– Не сразу, конечно. Вначале Вася все чурбаки переколол. Нам на зиму машину дров привезли, свалили во дворе, – делай, что хочешь. Так он распластал всю эту кучу, аккуратно так сложил вдоль забора, поближе к крыльцу.

– Это ж какой аппетит нагулял на свежем воздухе дровосек новоявленный! – восхитилась моя благоверная.

– Послушай, Лариса! Чуть не забыла, спасибо – ты напомнила, – оживилась Аннушка. Реплика разбудила в ней ещё один фрагмент воспоминаний, дремавший до поры, до времени в подспудности. – Как раз по первым холодам соседка предложила нам с Тамарой телячью ногу, они с мужем забили бычка. Цена смешная, но у нас и таких денег на ту пору не водилось. Впрочем, Настасья Филипповна дала так: «Расплатитесь потом, когда зарплату получите». Занесли мы этот, уж и не знаю, как правильно назвать, то ли окорок, то ли... – «Стегно», – подсказала Лариса. – Может и так, но пусть будет – нога. Так вот, занесли мы ногу в кладовку, положили на полку – и забыли. Перебивались на супах с тушёной картошкой варили.

А тут Василия угощать надо, на аппетит он тогда не жаловался. Вот и вспомнили про телятину. Благо, печка у нас теперь затопилась исправно, не то что раньше, когда мы забивали её неколотыми чурбаками. Умучаешься, пока разгорится! Ну, а Васины полешки как порох вспыхнули, смоляной запах всю избу наполнил. Поставили кастрюлю с колодезной водой. Кусмень телятины заложили килограмма на полтора. Печка жаром дышит, конфорки открывать не надо. Пока готовились к урокам, пока разговоры вели с гостем, мясо уварилось, от косточки отошло, навар в юшку такой дало – пальчики оближешь!

Ну, разве можно было отказать в приюте такому кавалеру? Тем более, что снегопад разыгрался нешуточный. Отвели мы ему комнату, постелили чисто...

Меня в горах застигла тьма,
Январский ветер, колкий снег.
Закрылись наглухо дома,
И я не мог найти ночлег,
По счастью, девушка одна
Со мною встретилась в пути,
И предложила мне она
В её укромный дом войти...

Я не удержался и прочитал начало знаменитой баллады Роберта Бёрнса «Ночлег в пути». Аннушка кивнула головой, словно бы соглашаясь с великим шотландцем. Кто же спасёт мужчину в непогоду, кто же его обогреет, как не она – юная чистая девушка. Хотя бы и при помощи им же наколотых дровишек...

– Погостил Вася у нас недельку, местных мальчишек настольному теннису обучил. Они за ним косяком ходили: «Лумумба сёдни топ-спин покажет. Жуткий удар, не берется без поролоновой накладки на ракетке». Лумумба, помните, тогда в Африке был такой знаменитый деятель, борец за свободу. А у Васи нос, как у... – Аннушка придавила пальцем свой нос, показывая, насколько африканским выглядел в ту пору нос Василия. – И стрижка подстать Лумумбе.

Объяснились мы в чувствах. Свадьбу наметили на лето. Я после его отъезда как на крыльях летала, всё у меня спорилось в школе и дома. Ну, думаю, отработаю учебный год и с чистой совестью отправлюсь восвояси замуж выходить.

– А ведь тогда по направлению требовалось три года отработать, – напомнила моя жена.

— Вот к этой-то мысли моё начальство школьное, а лучше районо, успело привыкнуть. В конце учебного года собрала я вещички, распрощалась с Тamarой, коллегами и детишками. Помахала с причала в сторону посёлка: «Прощай, Юбилейный! Спасибо за уют и обогрев». В городе Зее, где наше районо, застать заведующего не удалось, он куда-то по делам уехал. Секретарша меня успокоила: не волнуйтесь, мол, документы шеф подпишет, как приедет, вышлем заказной почтой. Спасибо за работу и тэ дэ.

Приехала я в Благовещенск, встретила с Василием, сыграли свадьбу, начали обживаться, планы на будущую совместную жизнь строить. Оглянуться не успела, как август на дворе. А мне в сельхозтехникум идти, там вакансия преподавателя математики, меня ждут определённо. Нужно документы на оформление сдавать, а документов-то как раз и нет.

Встречает меня подружка Вера. К тому времени она замуж вышла, ещё раньше моего, на шестом месяце беременности была, с животиком таким симпатичным, аж завидно. Она меня в техникум через отца протезировала. Как узнала, что моя трудовая книжка и диплом до сих пор в районо, так головой закрутила: «Это они тебя на крючок посадили. Ждут, когда ты приедешь за документами назад, а там заставят правдами-неправдами еще годик отмантулить под предлогом, что вести уроки некому. Вот увидишь». — «Что же делать?» — Вера подумала, потом спрашивает: «Ты с заведующим районо встречалась хоть раз?» — «Нет, мои документы директор школы отвозил на оформление». — Тут Верка стала хохотать, она у нас хохотушка была, ей палец покажи — умрёт со смеху. — «Ты чего надумала?» — спрашиваю. — «А вот чего. Сегодня какое число?» — «Пятнадцатое августа». — «Так вот, твой заврайоно сейчас не где-нибудь, а в столице области на августовской конференции учителей перед новым учебным годом слушает наставления начальства, в каком направлении развивать и обучать школьников. Там-то мы его и возьмем на «пушку». — «На какую такую пушку?» — не поняла я сразу. — «А вот увидишь. Ты только мне подробнее расскажи о своем житье-бытье на прииске». — Ну, я не утаила ничего, даже о нас с Васей почти всё рассказала, Верке интересно было.

На следующий день отправились мы с Верой в Дом политпросвещения, где конференция заседала. В перерыве отыскали зейского заведующего отделом народного образования. Подходим так вежливенько: «Здравствуйте, уважаемый Пётр Петрович! Извините, что отрываем от важного дела, но у нас тоже дело серьезное». Тут Вер-

ка выдвигает на первый план свой красивый животик и начинает повторять мой рассказ о том, как она (то есть я) приехала на прииск, как отработала целый год, как вышла замуж на зимних каникулах (взяла грех на душу, сдвинула сроки свадьбы с лета на зиму). Пётр Петрович слушает внимательно, поглядывает на Веркин животик, смекает, что к чему. Потом спросил, где муж живёт, чем занимается. Тут она ему про переезд в Благовещенск, про то, что до декретного отпуска есть возможность устроиться на хорошую работу в техникум, а документы в Зее лежат в районо и ехать за ними ей в её положении никак невозможно, врачи не рекомендуют. Пётр Петрович успокоил Веру: «Пришлем вам документы почтой, не волнуйтесь, давайте адресок».

Расстались мы с улыбками, без претензий, на дорожку Пётр Петрович Вере Батьковне пожелал родить крепкого красивого бутуза — как в воду глядел!

Числа так двадцать восьмого августа приходит заказная бандероль на мой адрес, документы в полном порядке. Бегу в техникум, устраиваюсь и в сентябре приступаю к работе. И почти сорок лет до пенсии — всё там, как один денёк...

Аннушка умолкла, перевела дух. Прищуренные глаза таили в себе одновременно и смешинку, и слезинку. Или мне так показалось? Захолодавший без упрятавшегося солнышка ветерок тронул никак не берущиеся сединой русые прядки густых волос, выбившиеся из-под вязаной шапочки на лоб.

Мы посмеялись с женой сообразительности Веры и удаче Ани, в итоге которой и возникла почти комедийная ситуация в нашей далеко не смешной прошлой жизни.

Неспешно, с каким-то даже сожалением, убрали импровизированный стол. Погрузили в машину ведро с землёй для рассады и пакет с золой, — в этом состояла практическая часть нашей поездки. Пожалуй, Аннушка иначе не решилась бы оставлять захворавшего Василия без присмотра, несмотря на то, что он отпустил её с нами. Завтра нашей подруге предстояло рано утром идти на работу в банк, Заслуженная учительница республики подрабатывает на пенсии мытьём полов. «Овёс нынче дорог», — как любил говаривать мой друг композитор Коля, мир его успокоившемуся праху.

Жизнь продолжает нас распределять вопреки нашей воле и желанию. Только и остаётся — дышать в паузах чистым свежим воздухом нарождающейся весны.

Март 2003 года